

(3)

ЖЕНЩИНЫ ТОЖЕ СТРАДАЮТ

Несмотря на открывавшиеся ей широкие возможности, алкоголь чуть не загубил ее жизнь. Одна из первых членов Сообщества, в период его становления она распространяла наши идеи среди женщин.

Что это я говорю... издалека, будто в бреду, я слышала собственный голос, звавший кого-то «Дороти», болтающий о магазинах одежды, о работе... слова становились четче... этот звук моего голоса пугал меня, все приближаясь... и вдруг, я обнаружила, что в этот самый момент говорю неизвестно о чем с кем-то, кого раньше никогда не видела. Я остановилась на полуслове. Где это я?

Я и раньше просыпалась в незнакомых комнатах, полностью одетая, на кровати или кушетке; просыпалась и в своей комнате, в своей постели или на ней, не зная, какой сейчас день, и который час, боясь спросить..., но на этот раз все было по-другому. Было похоже, что я, уже проснувшись, сижу, выпрямившись, в большом удобном кресле и оживленно беседую с абсолютно незнакомой мне молодой женщиной, которая, кажется, не считает это странным. Она продолжала весело и беззаботно щебетать.

В ужасе я посмотрела вокруг. Я находилась в большой, темной, довольно скудно обставленной комнате – в гостиной цокольного этажа. По моему позвоночнику побежал холодок; зубы застучали; руки затряслись так, что я спрятала их, чтобы они не улетели. Мой испуг был вполне реален, но этим не объяснялась такая бурная реакция. Я знала, что она означает – стаканчик спиртного меня успокоит. Должно быть, после принятия мной последней порции алкоголя прошло много времени, но я не осмеливалась попросить у этой незнакомки чего-нибудь выпить. Я должна была выбраться отсюда. В лю-

бом случае, это необходимо было сделать, прежде чем обнаружится мое полнейшее неведение в отношении того, как я сюда попала, и она поймет, что я совершенно, окончательно свихнулась. Я была сумасшедшей, должна была быть.

Мои руки тряслись все сильнее, и я посмотрела на часы — шесть. Когда я в последний раз на них смотрела, насколько помню, был час. Я уютно устроилась в ресторанчике с Ритой, пила свой шестой мартини и надеялась, что официант забудет про заказанный нами ланч — по крайней мере, пока я не выпью еще пару стаканов. С ней я выпила только два мартини, но за те пятнадцать минут, что ее ждала, осилила четыре, ну, и, разумеется, как обычно, бесчисленное количество раз прикладывалась к бутылке, пока с трудом вставала и судорожно одевалась. Итак, к часу я была уже в очень хорошей форме не чувствовала боли. *Что же* могло случиться? Я была в центре Нью-Йорка, на шумной 42-й стрит... определенно, в спокойном жилом районе. Почему «Дороти» привела меня сюда? Кто она такая? Как я с ней познакомилась? Ответов я не знала, а спрашивать не осмеливалась. Она ничем не показывала, что видит, что-то не в порядке. Но что же я делала эти пять забытых часов? Я была в смятении. Вдруг я сделала что-то ужасное и даже этого не узнаю!

Каким-то образом я выбралась оттуда и прошла пять кварталов вдоль коричневых каменных домов. Бара поблизости видно не было, но я нашла станцию метро. Ее название было мне незнакомо, и мне пришлось спросить у кого-то, как доехать до центра. Я была на отдаленной окраине Бруклина. Чтобы вернуться к отправной точке своего приключения, мне потребовалось сорок пять минут и две пересадки.

В тот вечер я сильно напилась, что было для меня обычным делом, но я все помнила, что было совершенно необычно. Я помнила, как пыталась найти имя Вилли Сибрука в те-

лефонной книге, что, как уверяла моя сестра, было моим еженощным занятием. Я помнила свое громкое заявление о том, что найду его и попрошу помочь мне попасть в ту «Психбольницу», о которой он писал. Я помнила, как утверждала, что собираюсь что-то с этим *делать*, что не могу так больше... Я помнила, как с тоской смотрела на окно, видя в нем более легкое решение, и вздрагивала при воспоминании о другом окне и тех шести месяцах агонии, которые провела тремя годами раньше в больничной палате в Лондоне. Я помнила, как наполняла джином склянку из-под перекиси водорода из своей аптечки на случай, если моя сестра найдет бутылку, которую я прятала под матрасом. И я помнила леденящий ужас той бесконечной ночи, когда спала урывками и просыпалась в холодном поту, сотрясаемая дрожью крайнего отчаяния, чтобы поспешно хлебнуть спиртного и снова впасть в спасительное забытие. «Ты сумасшедшая, сумасшедшая, сумасшедшая!» - стучало у меня в мозгу при каждом проблеске сознания, и я торопилась утопить этот припев в алкоголе.

Так продолжалось еще два месяца, прежде чем я легла в больницу и начала медленную борьбу за возвращение к нормальной жизни. Этот кошмар тянулся более года. Мне было тридцать два.

Оглядываясь назад на тот последний жуткий год непрерывного пьянства, я удивляюсь, как мои тело и разум смогли его пережить. Ведь, разумеется, бывали и периоды, когда я ясно осознавала, во что превратилась, и тогда ко мне приходили воспоминания о том, какой я была раньше и какой хотела стать. Этот контраст вызывал у меня глубокое уныние. Сидя в каком-нибудь баре на Второй Авеню, принимая угощение от любого после того, как истощались мои скудные финансы, или же дома, одна, с неизменным стаканом в руке, я вспоминала и, вспоминая, начинала пить быстрее,

чтобы побыстрее забыться. Трудно было примирить свое отвратительное настоящее с простыми фактами прошлого.

Моя семья была зажиточной, и родители мне никогда ни в чем не отказывали. Я училась в лучших пансионах и в одной из школ Европы, что подготовило меня к шаблонной роли дебютантки и молодой матроны. Время, в которое я росла (эра сухого закона, увековеченная Скоттом Фицджеральдом и Джоном Хелдом-младшим), научило меня веселиться вместе с самыми веселыми, а мои личные внутренние позывы побуждали меня превзойти их всех. Я вышла замуж через год после того, как начала выходить в свет. Пока все шло хорошо – в полном соответствии с планом, как и у тысяч других. Но потом моя история приобрела свои особенности. Мой муж был алкоголиком, и, поскольку я испытывала лишь презрение к тем, кто не обладал такими же поразительными способностями, как и я, исход был предрешен. Мой развод совпал с банкротством моего отца, и я пошла работать, чтобы ни от кого не зависеть и не чувствовать себя никому обязанной. Для меня работа была всего лишь очередным средством достижения той же самой цели – иметь возможность делать именно то, что я хочу.

На протяжении последующих десяти лет я это и делала. Стремясь к большей свободе и более интересной жизни, я переехала жить за границу. У меня был свой бизнес. Дела шли достаточно успешно, чтобы я могла реализовывать большую часть своих желаний. Я знакомилась со всеми людьми, с которыми хотела познакомиться; видела все, что хотела увидеть; делала все, что хотела сделать – и чувствовала себя все более несчастной.

Упрямая и своенравная, я всевозможными способами пыталась развлекаться, но получаемое удовольствие все уменьшалось, приближаясь к нулю. Похмелье начинало приобретать чудовищные пропорции, и утренняя порция

спиртного стала жизненной необходимостью. Участились провалы в памяти, и я редко помнила, как попадала домой. Когда друзья смели предположить, что я слишком много пью, они прекращали быть моими друзьями. Я постоянно переезжала с места на место – и продолжала пить. Алкоголь коварно, исподтишка завладел моей жизнью, став важнее всего остального.

Он больше не доставлял мне удовольствия, а лишь приглушал боль, но я *вынуждена* была его употреблять. Мне было ужасно плохо. Без сомнения, я слишком долго была изгнанником – нужно вернуться домой, в Америку. И я вернулась. К моему удивлению, мое пьянство прогрессировало.

Я обратилась в клинику, чтобы пройти длительный курс интенсивного психиатрического лечения. Я была уверена, что у меня какое-то серьезное нарушение психического характера. Я хотела, чтобы мне помогли, и старалась сотрудничать с врачами. По мере прохождения курса у меня начала вырисовываться картина самой себя, с тем самым темпераментом, который принес мне столько бед. Я была гиперчувствительной, застенчивой идеалисткой. Моя неспособность принять суровую реальность жизни привела к тому, что я стала лишенным иллюзий циником, облекшимся в броню, чтобы защититься от непонимания мира. Эта броня превратилась в тюрьму, где я оказалась заключенной вместе со своим одиночеством и страхом. Все, что у меня оставалось – это твердая решимость жить собственной жизнью вопреки враждебному миру. И вот к чему я пришла – внутренне напуганная, внешне дерзкая женщина, отчаянно нуждающаяся в опоре, чтобы двигаться дальше.

Этой опорой был алкоголь, и я не знала, как жить без него. Когда мой доктор сказал, что мне не следует больше прикасаться к спиртному, я была *не в состоянии* поверить ему. Я была вынуждена продолжать свои попытки поправиться на-

столько, чтобы быть способной принимать необходимое мне количество алкоголя, не впадая от него в зависимость. Кроме того, как *он* мог меня понять? Он был непьющим; он не знал, что такое *нуждаться* в выпивке, не знал, как она может облегчить мучения. Я хотела *жить*, причем не в пустыне, а в нормальном мире, под которым я понимала пребывание среди тех, кто пьет. Трезвенники меня не интересовали. Помимо этого, я была убеждена, что не смогу находиться рядом с пьющими людьми и не пить. Тут я была права: без спиртного я не могла чувствовать себя комфортно *ни с кем* из людей. Мне никогда это не удавалось.

Естественно, несмотря на свои благие намерения, невзирая на защищенную жизнь в больничных стенах, я несколько раз напивалась и поражалась этому..., и мне было жутко плохо.

Тогда мой доктор дал мне почитать книгу «Анонимные Алкоголики». Первые главы стали для меня откровением. Я была не единственным человеком в мире, который так себя чувствует и ведет! Я была не сумасшедшей, не порочной – я была больной. Я страдала реально существующей болезнью, у которой есть название и свои симптомы, как у диабета, рака и туберкулеза – и эта болезнь «прилична», она не несет на себе морального клейма! Но затем у меня вышла заминка. Я не переваривала религию, и мне не понравились упоминание о Боге и все остальные слова с большой буквы. Если это и был выход, то не для меня. Я была интеллектуалом и посему нуждалась в решении интеллектуального, а не эмоционального характера. Я четко сказала об этом своему доктору. Я хотела научиться крепко стоять на собственных ногах, а не менять одну опору на другую, к тому же неосязаемую и сомнительную. И так далее, и тому подобное, на протяжении нескольких недель, пока я нехотя читала оскорбительную книгу дальше, чувствуя себя все более безнадежной.

И вдруг случилось чудо – *со мной!* Не со всеми это происходит так внезапно, но у меня наступил личный кризис, который наполнил меня свирепым праведным гневом. И вот, когда я кипела от бессильной ярости, планируя напиться в стельку и *показать* им всем, мой взгляд упал на предложение в открытой книге, лежавшей на кровати: «Мы не можем жить с гневом». Тут стены рухнули, и в комнату ворвался свет. Я была не в ловушке. Я была не беспомощна. Я была *свободна*, и не было необходимости кому-то что-то доказывать. Это была не «религия» – это была свобода! Свобода от гнева и страха, свобода познать счастье, свобода познать любовь.

Я пошла на собрание, чтобы воочию увидеть ту группу чудиков и бездельников, которые этого достигли. Пойти на какое-нибудь сорище – это было такое действие, которое всю жизнь заставляло меня ощущать себя не в своей тарелке, начиная с того времени, когда я покинула собственный мир книг и мечтаний, чтобы столкнуться с реальным миром людей, вечеринок и рабочих мест. В подобных случаях мне всегда необходимо было разогреться с помощью спиртного, чтобы почувствовать себя уютно. Трепеща, я вошла в дом в Бруклине, полный незнакомых мне людей... и обнаружила, что наконец-то попала домой, к себе подобным. У того еврейского слова, которое в католической версии Библии переведено как «спасение», есть и другое значение – «возвращение домой». Я это сделала. Теперь я была не одна.

Так для меня началась новая жизнь, более полная и счастливая, чем я могла вообразить. Я нашла друзей, понимающих друзей, которые часто лучше меня знали, что я думаю и чувствую, и которые не позволяли мне удаляться в свою тюрьму из одиночества и страха из-за воображаемых неприятностей или обид. Когда я говорила с ними о своей жизни, на меня щедрым потоком лился свет познания, пока-

зывая, какая я на самом деле. И оказывалось, что я похожа на них. У нас было много общего – сотни особенностей характера, страхов и фобий, симпатий и антипатий. Неожиданно выяснилось, что я могу принять саму себя такой, какая я есть, со всеми своими изъянами и тому подобным. Разве не все мы такие? А принимая, я чувствовала еще больший внутренний комфорт, а также готовность и силу что-то делать с теми своими чертами, с которыми не могла жить.

Это было еще не все. Мои друзья по АА знали, как можно избежать падения в ту бездну, которая разверзлась, готовая меня поглотить, когда я поддавалась депрессии или нервозности. У них была конкретная программа, призванная дать нам, так долго бежавшим от реальности, величайшее внутреннее спокойствие, какое только возможно. Чувство приближающейся катастрофы, которое годами преследовало меня, начало исчезать по мере того, как я стала на практике применять все больше и больше Шагов. Они работали!

Будучи активным членом АА с 1939 года, я наконец-таки чувствую себя полезной частью человечества. У меня есть чем поделиться с людьми, ведь как их товарищ по несчастью я обладаю особой квалификацией, позволяющей мне поддерживать и утешать тех, кто споткнулся и упал, не справившись с этой трудной задачей – встретиться с жизнью лицом к лицу. Наибольшее удовлетворение я получаю от осознания того, что сыграла определенную роль в обретении нового счастья бесчисленным множеством себе подобных. Тот факт, что я снова могу работать и обеспечивать себя, также важен, но второстепенен. Полагаю, мое некогда излишне самонадеянное своеволие, наконец, отодвинулось на подобающее ему место, потому что я много раз в течение дня говорю «Да будет воля Твоя, не моя»... и действительно этого хочу.